

(Окончание. Нач. в № 5.)

В тот день Михай сторожил. Был он уже в годах, селоват, не высок ростом, кражист. По мужички немногo хитроват. Директор всегда ставил его в пример. Когда бы ни проверял его - днём и ночью, всегда он был начеку. Молодежь - Борис с Сашкой - ночью поспать любили. Хомуларка, где они обитали, находилась здесь же, в конюшне, там был топчан, печка, стол, пара табуреток. На стенах висели хомуты, недоуздки, уздечки, путы, старое ружьё и прочая мелочь.

Конюшня изнутри закрывалась на большой деревянный засов. Вот молодежь-то на ночь закрывалась, да и спала, а дед на ночь не закрывался. И когда бы к нему кто ни приходил, он всегда бодрствовал.

Сидит себе на топчане, локти на стол, голову в ладони, глаза прикрыты, свистит тихонечко да ногой правой притоптывает. Окинет кто - он глаза откроет и спокойно так: "Чего тебе?".

В этот зимний вечер к деду в гости пожаловала бабка-Курилка. Курилка потому, что дымилась безбожно самокурками с самоседом. Не признавала ни махорку, ни заводские папиросы и сигареты. Она давно уже состарилась, и никто толком не знал, сколько ей лет. Зубов уже осталось, как есть ни больше и ни меньше, а два. Один справа вверх, а другой слеза вниз. Жила бабка на увале напротив конюшни, жила одна. Где-то были у неё дочка, может и внуки - никто не знал, а троих сыновей - в войну убило. Приходила она в конюшню за дровами. Своих на зиму не хватало. А тут выручали. Да и жалели её все. На ночь с собой сторожа что-нибудь покушать брали. Придёт бабка с санками, дров наберёт, верёвкой завяжет, чаю со сторожами попьёт, и домой, всё веселей. Зимой вечера-то долгие, скучные.

Дверь в хомуларку открылась, и в морозном облаке Курилка ввалилась внутрь, со словами: "От, ёшь твою мать. Мороз, так мороз, зов на дуб на попу."

Сразу за разборки: "До каких пор тебе образе терпеть будем?". Управителю первой бригады подлил: "У тебя из-под носа корма тащут, а ты спишь спокойно". Тут, кто-то заметил: "Никогда Иванович, что это в мешках, пахнет так, и лужа из-под них?".

Гневу директора не было краёв. Но это не долго продолжалось. Сменялись потом все вместе долго. Оказывается, кто-то знал, что он караулить будет. Дождались его, наложили в мешки мелкого мёрзлого навоза свиного, и весь этот цирк устроили.

Сменялись дед Михай с бабкой Курилкой. Дед Михай заливался так, а бабка словно кудахтала. Посмеялись, дед помог бабке вывести санки с дровами на увал и пошёл сторожить дальше.

Было далеко за полночь. Борис с Сашкой - Старухой возвращались с танцев. Были слетка под хмельком, взбудоражены, громко раз-

гонько сполз по шторам и блеснул прямо в глаза Котьки.

Уйди, уйди! - Котька потер нос, глаза, отвернувшись, наткнулся на себя одёжно.

Ну хоть ещё чуть-чуть дай поспать. Сквозь дрему он слышал, как мамка покрывала на коров, прогоняя их в табун. С кухни сладко пахло сливками, творогом и ещё чем-то вкусным. Некстати зачесалась пятка. Котька потянулся, поскоблил пятку палочкой, тяжело вздохнул и проснулся. Гадая про себя, чем же так пахнет, он сполз с кровати и босиком, в одних трусах протоптал в кухню. Пахло оладьями. Вкусно пахло.

Он быстро умылся, плеснул пару раз водой с ладошки в лицо, вытерся. Посмотрел на руки, цыпки не проходили все лето. Залез в буфет, вытащил крынку со сметаной, налил сметаны в чашку и, макая оладьи в сметану, стал есть.

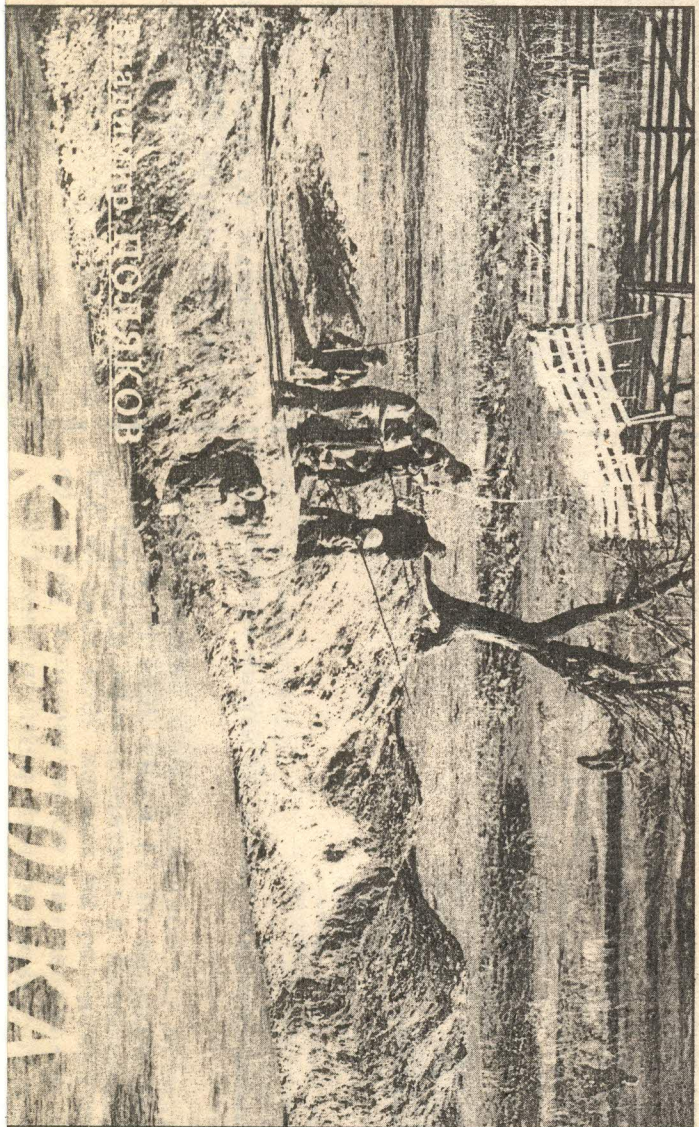
Во дворе было оживленно. Гусак Мотя, охраняя свое стадо гусынь, про-

на кукуане, майка на берегу, а вылки нет. В другой раз приходилось брать с собой другую вылку. Сначала мать не замечала пропажи, но когда исчезло вылок пять, она забеспокоилась, спросила Котьку. Запираться было бесполезно. Мать стала заирать вылки в сундук.

Выросту большим - куплю себе много вылок, - подумал Котька, - и не аломиниевых, а железных, они крепче. Раздумья Котьки превратились в действие в конце улицы небольшого серого конька. Конек был запряжен в бричку. Правил коньком дядька, рядом с ним сидела женщина. Повозка основательно в начале улицы. За ней бежали несколько ребятишек. Трипошник приехал - встретился Котька. Трипошники приседали в деревню несколько раз за лето. Они собирали старые, ненужные вещи, кости, меняли на яйца свой нехитрый товар: иголки, наперстки, гвозди, рыболовные крючки и леску, петушки из сахара. В прошлый раз Котька поменял старые брюки и рваную рубаху отца на крючки и леску, больше менять было не на что. Котька приуныл. Ему так хотелось "петушков". Их можно долго сосать, вытаскивая из рта и рассматривая на солнце. Чем тоньше станется петушок, тем он больше блеснет и искрился, словно волшебный камешек.

Повозка с трипошником приближалась. Котька лихорадочно искал выход. И выход был найден.

В хлеву, у самого дальнего угла, под потолком сидела курица-наседка. Сидела уже вторую неделю. Под ней было чуть больше десятка яиц. Котька знал об этом.

В хлеву, у самого дальнего угла, под потолком сидела курица-наседка. Сидела уже вторую неделю. Под ней было чуть больше десятка яиц. Котька знал об этом.

да". Шутка была стара, но бабка с Михеем с удовольствием посмеялись.

Если пить чай, Бабка Михея поила ему пирогов сладких, с морковкой. Бабка мочила их в кипятке и муслила. Говорили о житие, о соседях, о зиме. Дед вспоминал историю, которая недавно произошла с директором совхоза.

А дело было так.

Николай Иванович хозяйственный мужик был. Хотя порой крутой, но справливый. Любил во всем порядок. Летом сам не стал и другим не давал. Крутился, как белка в колесе. За день всё хозяйство дважды на ходке пробегал. Сейчас только вроде на току был, а глядь - он уже в самом дальнем селении в поле. Хозяйство большое - десять деревень. Везде успевал. А тут слух прошел, на первой ферме - корма воруют. Вот он кучеру и дает задание: "Запраздай коней часа в четыре утра и посем - покравлим". Так и сделали. Часика в полпото подехали на ферму, зима, естественно темно ещё, но луна была, видно хорошо. Постоили с полчаса, видят двое с базы выходят, а за спиной мешки. И, крадучись так, направляются в сторону деревни. Отошли не далеко.

Николай Иванович, шёпотом даёт команду: "Трогай". Эти двое, конечно, заметили их и бегать. Немного пробежали, бросили мешки и подали шагу. В общем, быстро всё получилось, добижали до деревни и как сквозь землю канули. Кучер повернул назад, подобрали мешки в кошёвку и айда в контору. В конторе сторож, открыл дверь, спросонок не поймёт в чём дело. А Николай Иванович с кучером и мешками, прямым в директорский кабинет. Мешки в угол бросили. Николай Иванович кабинет закрыл, а сам в кошёвку на ферму. Разгону всем дал крепкого. А часов в 7 планёрку собрал у себя. Перед ней забежал домой чаю выпить. Секретарь кабинет открыла, запускает тех, кто на планёрку пришёл. Проходят, рассаживаются, носами крутят, друг на друга поглядывают. Планёрка-то не важно. Ну да, хозяйина нет, ждут. А вот и он сам. Зашёл, поздоровався со всеми и к столу.

говаривали, смеялись.

- Слушай, пойдём до Михея, глянем, чё он там делает, - предложил Борис, чайку поём.

- Да ну его. - Старуха махнула рукой, - Спит, поди.

- А вот посмотрим.

Они спустились под увал и по тропинке в снугу подошли к конюшине. Было тихо, только в конюшне похрюпывали кони. В хомутарке горел свет. Они тихонько подошли к окну, заглянули.

Дед Михей сидел за столом, опершись локтями, голова лежала на ладошках. Глаза были полуприкрыты. Он пошвыстывал и прищипывал ногой. Берданка мирно висела на стене. "Вот чёрт старый, не спит" - прошептал Сашка. - Железный он что ли."

- Слушай, а по-моему спит, - возразил Борис.

- Точно спит.

Они, не сговариваясь, прокрались к двери. Тихонько отворили её и вошли внутрь. Михей всё так же топал ногой и свистел. Сашка осторожно снял берданку со стены, и они выскользнули за дверь.

Отбежали за угол. Сашка поднял берданку вверх и палнул. Коня забеспокоились, свет в хомутаре через секунду погас. Несколько минут всё было тихо. Из хомутарки никто не выходил. - Посмотреть надо, а то Михей с испугу, поди, помер, - с тревогой проговорил Борис.

Они, не шепча, пошли в сторону хомутарки, и вдруг в ней заторжес свет, дверь распахнулась, дед, как чёрт из табакерки, выпорхнул за порог. В руках у него была оглобля. Сашка с Боркой, бросив берданку, со всех ног помчался в деревню. Вдольонку им слышался отборный мат Михея.

Окошко, где стал Котыка, было маленьким, и лучик солнца в него добрался доло. Сначала он окрасил кроны самых высоких тополей, потом опустился на крыши, поинтервал в окнах, заглянул в форточку, ле-

гоняя кур от кормушки, шипел, вытаскивая шед. Котыка недолюбливал Мотю за крутой нрав. Однажды Мотя напал на Котыку и пощипал его. Правда, потом Котыка взял реванш и прутом проучил забияку. Но ниже спины побаивался, оставались синяки. Котыка присел на лавочку. Он увидел, как Пальма пробежала вдоль забора и проскочила в калитку. Весело махая хвостом, ткнулась Котыке в голые колени, подпрыгнула, лизнула его в лицо, отскочила и бросилась назад к калитке. По улице шла мать.

Она вкопчили на ноги и помогала ей. Пальма была прохладно и темно. Котыка на ощупь пробрался к наседке, нашарил под ней теплые яйца. Курица недоуменно косила в его сторону круглыми глазами, но шуму не понимала. Он взял три яйца, подумал не много и взял еще два. Считать до десяти он уже устал. Получилось солидно, целых десять "петушков". Прижав яйца к животу, Котыка бросился на улицу. Трипшонник стоял возле соседнего дома. Шел обмен с соседским паваном - Сашкой, он притащил старую теплотрунку.

Мать работала на стройке, уставала очень. Обедать ходила к бабке, она тебя на окрошка звала. Ну, я пошла, сынок. Котыка еще немного посидел, размышляя о своих делах и планах на день. Потом выгнал гусей на улицу. Мотя шел первым, шипел, отгидалась. Пальма радовалась, не понимая чему, то убежала вперед, то возвращалась назад, как будто подгоняла Котыку.

И чего их пасты, - думал он про гусей, - сами дорогу знают, вишь как выстроились в колонну, как на параде. Пасты он их неподалеку от дома на лужайке. Тут была большая поляна, в конце которой выступала из-под земли мочажина. Даже в самое жаркое время, здесь было всегда сыро, и даже рос камышек.

Солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. - На речку бы! - подумал Котыка, - Гольяны поколоть. Гольяны прятались под камнями. Если осторожно поднять камень, то они не убежали, а стояли, как бы прищипывали. Когда Котыка уходил за гольянами, он брал вишну из буфета с собой. Это вот странное дело - вишка куда-то пропадала в конце рыбалки. Гольяны - вот они,

было прохладно и темно. Котыка на ощупь пробрался к наседке, нашарил под ней теплые яйца. Курица недоуменно косила в его сторону круглыми глазами, но шуму не понимала. Он взял три яйца, подумал не много и взял еще два. Считать до десяти он уже устал. Получилось солидно, целых десять "петушков". Прижав яйца к животу, Котыка бросился на улицу. Трипшонник стоял возле соседнего дома. Шел обмен с соседским паваном - Сашкой, он притащил старую теплотрунку.

Теперь Котыка был в курсе. Он знал, что если он пойдет в поле, то он будет в безопасности. Он знал, что если он пойдет в поле, то он будет в безопасности. Он знал, что если он пойдет в поле, то он будет в безопасности.

Теперь Котыка был в курсе. Он знал, что если он пойдет в поле, то он будет в безопасности. Он знал, что если он пойдет в поле, то он будет в безопасности. Он знал, что если он пойдет в поле, то он будет в безопасности.